

I

ЭЛЛИНОР

Путь затмения возникает в жизни каждой женщины, когда ее поглощает полутьнь мужчины.

Стивен Кинг*

* Фраза приписана Кингу, на самом деле это цитата из книги «Stephen King: America's Storyteller» by Tony Magistrale — *Здесь и далее прим. перев.*

Никогда не думала, что займусь поисками второй половины в Интернете. Мне казалось, это не мое. Есть в этом что-то от рынка, а кроме того, я никогда не писала объявлений о знакомстве, да и ничего другого, уж коль на то пошло, и понятия не имела, как продавать себя посредством текста. Раньше я всегда встречалась только с совершенно обычными парнями из моей деревни. Первого звали, например, «Йонни», и в нем не было ничего особенного, во всяком случае внешне и во всяком случае до тех пор, пока не поймешь, что он реально больной. Мы учились в одном классе, и все началось с его вопроса: «Есть что-то такое, о чем ты всегда мечтала, чтобы мужчина сделал для тебя?»

Могу предположить, что он услышал эту фразу в кино и что он уже тогда на полном серьезе считал себя мужчиной. И еще я могу предположить, что он ожидал услышать совсем не тот ответ, который услышал. Что-нибудь в духе «о да, я всегда мечтала о мужчине, который сможет свести меня с ума в постели». Или какое-то конкретное желание, которое помогло бы ему достичь своей цели. А я вместо этого сказала:

— Я всегда хотела, чтобы кто-нибудь научил меня драться.

Увидев, что он удивился меньше, чем я ожидала, я добавила:

— Драться как черт.

Йонни медленно кивнул, сплюнул и сказал:

— Если ты реально этого хочешь, телочка, я тебя научу.

В тот же вечер он отвел меня в одно место, которое он называл «бойцовским клубом». Это была компания людей, посмотревших одноименный фильм. Он их вдохновил, но в отличие от героев фильма, они по-настоящему разбирались в боевых искусствах и встречались три раза в неделю в зале, чтобы драться. Сначала мы зашли в школу, потом спустились в подвал. Там все было покрыто матовым кафелем оранжево-коричневого цвета, но, что странно, в отличие от обычного кафеля, эта плитка, казалось, поглощала все звуки. Дальше мы долго шли подземными коридорами. Все шагали молча, босые и с сумками через плечо, в которых лежали тренировочные костюмы. Слышно было только гудение вентиляции. Наконец мы добрались до зала, куда приходили жители нашей деревни, которые хотели подраться. Одного на время назначили главным, а потом устроили общую разминку, чтобы разогреться. Все были очень гибкими, даже парни, и никто не стеснялся своего умения сесть на шпагат, например. Когда народ стоял, широко расставив ноги, многие звучно выпускали газы, но неписанный закон запрещал ржать, наоборот. А потом мы начали драться. Я оказалась единственным новичком, и у меня была одна отличительная черта — смертельный страх. Когда человек смертельно чего-то боится, это дает ему

ЛЮБОВНИКИ-ПОЛИГЛОТЫ

преимущество над соперником. Так сказал Йонни. Если ты в самом деле чертовски сильно боишься, тебе многое дается задаром, тело умнее, чем ты думаешь, и если включить автопилот, оно способно сделать практически что угодно. Но потом ты должен взять его под контроль.

— Большинство впадает в ярость не потому, что на них напали, а потому что они не умеют защищаться, — сказал Йонни.

Йонни умел не только драться, он еще умел стрелять, и иногда мы ездили на стрельбище между нашей деревней и соседней. Мы ходили по полигону в оранжевых наушниках и глазели на тех, кто стреляет из пистолета, потом на тех, кто стреляет из винтовки. Йонни показывал, как надо стоять, расставив ноги, поднимал ружье и сбивал летящие тарелки. Сначала на симуляторе, потом настоящие мишени. Однажды он сказал, что теперь может взять меня с собой на охоту. До отъезда он постоянно говорил об этой охоте, о том, что придется идти на нее ночью, пускать в ход способность видеть в темноте и все время молчать.

В тот раз, когда с ними была я, они стреляли только раз, по кабану. Выстрел разорвал тишину, было слышно, что кабан продолжает бежать, но не так, как раньше, а неуклюже, ломая ветки, и наконец еле волоча ноги, словно понимал, что скоро умрет, терял ориентацию и в панике пытался пробраться сквозь кустарник. Мы пошли вперед, и Йонни вдруг посветил вверх фонариком. Я увидела, что голые ветви буков тянутся в ночное небо, напоминая длинные темные кости. Йонни взял меня за руку, зажал фонарь ногами, а сво-

бодной рукой провел по своим стриженным ежиком волосам, вперед и назад, я хотела спросить, зачем он это делает, но промолчала. Он хотел прошептать что-то мне на ухо, и, мне кажется, это было нечто важное, что-то, что касалось его и меня, но нам помешал один из охотников, объявивший, что нашел кабана. Он осветил его фонариком. Выстрел был идеальный, пуля попала в лопатку, и кровь заливала черную щетину. Это оказалась крупная кабаниха, и ее пришлось тащить на шесте к пикапу всем вместе. На следующий день ее предстояло разделять на участке возле дома приятеля Йонни. Мы отправились туда после завтрака. Когда приехали, всё было перепачкано кровью и щетиной, потому что никто, собственно говоря, не умел разделять туши. Все рубили как попало, и все время твердили, что надо делать это быстро. Больше я с браконьерами на охоту не ездила.

Однажды вечером я сказала Йонни, что если он готов, то я тоже готова. Он улыбнулся мне, и мне пришлось в голову, что я впервые вижу его зубы, крупные и белые, как куски сахара, они ровной подковой сидели у него во рту, и это странно контрастировало с неправильными чертами лица, покрытого шрамами от прыщей. Мы занялись этим на погрузочной платформе пикапа Йонни, и куртка, которую он подложил мне под попу, оказалась измазана кровью.

— Сейчас у девочек в первый раз обычно не бывает крови, так нам сказала школьная медсестра на уроке полового просвещения. Они ездят верхом, на велосипеде, прыгают и бегают, так что девственной плевы у них не остается.

ЛЮБОВНИКИ-ПОЛИГЛОТЫ

Видимо, у меня было очень спокойное детство, потому что моя плева точно была на месте. Когда Йонни увидел кровь, ему не стало противно, зато он кончил всего через несколько секунд. Я не знала, что сказать, когда это произошло. Но я уже тогда чувствовала, что с Йонни надо вести себя осторожно, так как он, как и большинство парней в нашей местности, конечно же, склонен к насилию, малообразован и похотлив, и таким и останется на всю жизнь. Но было в нем что-то помимо этого.

— Не знал, что у тебя это первый раз, — сказал Йонни.

— А у тебя? — спросила я.

— Тоже, — ответил он. — У меня тоже первый.

Потом он посмотрел на свою перепачканную куртку и добавил:

— Что ж. Надо же с чего-то начинать.

В следующий раз все прошло намного лучше. Не говоря уж о третьем, четвертом и пятом разе. Тогда Йонни заявил, что, по его мнению, мы трахаемся как порнозвезды.

Когда нам было шестнадцать лет, я сломала Йонни нос тыльной стороной кисти. Это произошло случайно, в том смысле, что я этого не хотела, рука просто машинально взмыла, и это не имело никакого отношения к боевым искусствам. Как бы то ни было, шум поднялся страшный, потому что мы тогда учились в гимназии, и все прознали о том, что произошло: и учителя, и медсестра, и родители Йонни, и мои тоже. Мама Йонни сказала:

— Я не хочу, чтобы ты продолжал встречаться с этой девочкой.

Мы стояли во дворе школы, и из носа у Йонни текла кровь. Его мама прибежала туда, как только обо всем узнала, и бросала на меня презрительно-надменные взгляды.

— Мама, Эллинор — не какая-нибудь маленькая девочка, — возразил тогда Йонни. — Она дама. Да еще какая дама.

Он улыбался мне, и челка падала ему на глаза.

— Да еще какая дама, — повторил он и улыбнулся еще шире, продемонстрировав свои куски сахара.

Меня охватило желание сказать ему, чтобы он лучше не скалился так, а вспомнил, как его возбудила кровь. Да ты больной придурок, Йонни, этого не скроешь. Я хотела сказать так, но, полагаю, из-за разбитого носа на меня нахлынули другие чувства, так что я подошла к нему и обняла. Для нас это был очень необычный жест. Мы всё делали вместе. Помогали друг другу осваивать удары и разные приемы, дрались и трахались, но никогда не обнимались. А теперь обнялись, и я почувствовала, как теплые капли его крови каплют мне на шею.

— Теперь ты умеешь делать все, чему я хотел тебя научить, — сказал Йонни.

А еще он сказал, что, если я когда-нибудь снова использую то, чему он меня научил, против него, то он, не задумываясь, меня убьет.

— Если сумеешь, — ответила я.

— Не беси меня, — сказал он, и глаза его потемнели.

ЛЮБОВНИКИ-ПОЛИГЛОТЫ

Вскоре секс для нас стал чем-то вроде рутины, хотя, возможно, нельзя говорить о рутине по отношению к тогдашним нам.

— Едем ко мне, — мог он коротко бросить в машине, просовывая руку мне между ног.

«К нему» означало в принадлежавший его отцу охотничий домик недалеко от деревни, где можно было остаться в покое. Это была небольшая изба с ярко-желтыми занавесками с белой оторочкой, которые, наверное, повесила Йоннина мать. В домике было две маленькие комнаты и гостиная с железной печью. Однажды мы зашли в одну из спален, и Йонни сказал:

— Раздевайся и ложись на кровать.

Пока я снимала с себя одежду, он пошел на кухню и сделал кофе. Потом вернулся с чашкой, подвинул к кровати стул и пил кофе, глядя на то, как я лежу на спине, раздвинув ноги. Мне казалось, он может заглянуть прямо внутрь меня, до самой глубины, если можно так выразиться, как будто через меня проходит темный канал, и если двигаться по этому каналу, выйдешь в каком-то совершенно другом месте.

— Тебе обязательно надо так паяться? — спросила я.

— А ты подумай о звездах из порнухи. Для них не проблема показывать себя.

— А ты подумай о том, как я сломала тебе нос, — ответила я.

— Ты мне по зубам, — сказал он тогда и поднял чашку, словно произнося тост.

Так он и сидел, попивая свой кофе. Допив, он поставил чашку на полку и начал расстегивать брюки.

— Когда ты дашь мне в задницу? — простонал он однажды во время секса.

Тогда я сказала, что, будь я шофером грузовика, я бы никогда не припарковала свою машину в сточной канаве, если бы у меня был прекрасный удобный гараж прямо над ней. Йонни рассмеялся, но больше никогда не задавал этот вопрос.

Через несколько лет я поправилась. По-настоящему толстой я не стала, но и этого оказалось достаточно, чтобы Йонни перестал считать меня привлекательной. Мы встречались все реже, а потом он и вовсе перестал звонить. Однажды я собралась с духом и позвонила сама.

— Поедем как-нибудь постреляем? — предложила я. — Или подеремся?

Тогда он сказал, что у него появилась другая. Потом я видела их вместе в деревне. Она выглядела стройной и тренированной, и у нее были длинные темные волосы, собранные в конский хвост. Мне было интересно, какова она в постели и сидит ли Йонни у кровати, попивая кофе и пялясь на нее, и что она в таком случае об этом думает.

Я еще много лет ходила драться. Как другие люди, став старше, по вечерам играют в бридж, поют в хоре либо ходят на танцы несколько раз в неделю и находят в этом утешение, так сказать, находят, на что опереться в старости или хотя бы чем смягчить ее последствия,

ЛЮБОВНИКИ-ПОЛИГЛОТЫ

так и я отправлялась в подвал, где собирался народ. Драться было хорошо, и получалось это у меня все лучше, даже несмотря на возраст. Никаких похвал просто за то, что ты молодая и симпатичная, ничто не доставалось просто так, за все надо было бороться. Когда у меня потом появились друзья родом из других мест, я часто слышала от них, что они не понимают, как можно добровольно тратить на это свое время, когда можно провести его с хорошей книгой, в приятной компании, с бокалом вина.

— Мало что в жизни сравнится с боем, — отвечала я им.

Я понимала, как это звучит в их ушах, но до сих пор считаю, что это так. Я никогда не находилась в такой близости с кем-то, как в подвале в те годы. Все дело в концентрации и в том, как ты читаешь по чужим глазам. Секс работает по-другому. Есть люди, которые закрывают глаза и занимаются онанизмом всю жизнь, сами с собой или между ног у кого-нибудь другого, но в их мозгах ничего не происходит. Зато стоя перед противником, в какой-то момент ты вдруг можешь заглянуть другому человеку в самую глубину и в точности понять, кем он или она является. Кроме того, и это я тоже говорила своим друзьям, человека нельзя называть старым, пока он в состоянии врезать ногой по голове кому-то, кто выше его самого.

Иногда я думала о Йонни, и тогда я думала о том, что он больной придурок. А потом я поняла, что важно не то, что ты не больной. Важно то, что ты не одинокий.